

Карл Радек

**ПОРТРЕТЫ
И
ПАМФЛЕТЫ**

Книга вторая

**СОВЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
МОСКВА 1934**

армии труда для корчевания лесов, они видели, как двигались армии труда, чтобы в пустыне построить Турксиб. Они видели восторг масс, когда сотни тракторов выезжали в целинную степь, которая через год будет покрыта пшеницей. Они видели, как рабочие с подъемом строят Днепрострой, Магнитогорск, Челябинский тракторный, они видели, что пролетариат здесь, в Москве, сделал из Электрозавода. Если мировой капитализм попытается разрушить нашу работу войной, — все рассказы о рабском труде отлетят. И перед пролетариатом всего мира встанет голый факт: это — война капиталистических рабовладельцев против рождающегося социализма, который достраивает свой фундамент. Рабочий класс не потерпит этой войны. Он ее использует для того, чтобы подняться против капиталистического мира. А какой ответ дадут «советские рабы», об этом не приходится говорить. *Мы это в случае необходимости покажем так, что мысль о покорении советского освобожденного труда раз навсегда выьем у вас из головы, если впрочем у вас останутся головы.*

Февраль 1931 г.

УДАРНИКИ

1. ФИРМА СССР — МАССОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО ГЕРОЕВ

Огиз выпустил альбом «Ударники», о котором уже упоминали «Известия». За ним последовали альбом «Страна должна знать своих героев», монтаж «Ударники полей» и 2-3 дюжины открыток с фотографиями ударников и ударниц.

Я просматривал с большим вниманием эти сборники, всматриваясь в лица ударников, когда зашел ко мне знакомый советский писатель, «почти коммунист». Он взял из моих рук альбом, посмотрел его и отложил в сторону.

— Что это — массовое производство стандартных героев? — спросил он.

— Да, массовое производство героев, — ответил я. — Разве вы вчера родились, разве вы не были на гражданской войне? Разве вы не видели, как рождались массы героев? Разве мы могли бы победить без массы героев.

— Да, но это же была война, жертва кровью.

— Вот, вот, учились вы, милейший, видеть героизм только в войне и теперь платите последнюю дань Иловайскому. Коммунист должен уметь с оружием в руках брать власть и с оружием в руках защищать ее. Но ведь основная работа коммуниста не на войне, а в перестройке основ человеческого общества. Перестраивает его народная масса под руководством своего авангарда — партии. Дело неслыханно трудное, и в борьбе за это дело рождаются массовые герои. *Да, СССР есть фирма массового*

производства героев, но не стандартного. Посмотрите альбом, посмотрите эти карточки.

— Да, — вяло ответил собеседник.

— Лица разные. Не только лица, разные судьбы, разные пути, разные слои, из которых происходят герои станка и полей. Вы мало встречаетесь с рабочими, но если бы вы, писатели, считающие в глубине души вместе с Гете величайшей ценностью человечества личность, всмотрелись в коротенькие биографии ударников, которые печатает наша пресса, если бы вы прочли эти биографии с фотографиями ударников в руках, вы бы увидели всю сложность процесса, который рождает массу героев. Вы бы увидели, какое разнообразие личностей этот процесс выкристаллизовывает, и вы бы совсем по-иному посмотрели на вопрос о героях и массе, которым забавлялась русская интеллигенция в продолжение пятидесяти лет.

Но черт побери русскую интеллигенцию и проблему «герой и масса»! Мы хотим себе уяснить, что такое ударники и откуда они идут.

2. СЕРИЙНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА УДАРНИКОВ

Ударник-подпольщик

Вот ударник — старый подпольщик. Только незначительное количество их получило отличие. Их фотографии как ударников мало распространяются. Это старое кадровое офицерство партии. Рабочие, интеллигенты, попавшие юношами в революционное движение, кормившие кровью своей вшей по этапам старой царской России, годы и десятилетия лелеявшие мысль о моменте, когда рабочий класс скинет власть царя и буржуазии, и дожившие до этого момента. В годы гражданской войны они командовали полками, дивизиями, армиями, руководили хлебозаготовками, организовывали рабочих и крестьян, а когда кончилась гражданская война, партия начала перебрасывать их на производство. Им приходилось очень туго. Те из них, кто даже и работал на заводе, знали только маленькую часть одного определенного производственного процесса, они никогда не хозяй-

ничали, никогда не руководили целым производством. Ведь капиталисты рекрутировали в прошлом своих управляющих заводами не из подпольщиков. Пришлось этим подпольщикам теперь учиться технике, учиться администрированию, овладевать сотнями вопросов, о которых они раньше понятия не имели. Каких трудов это все стоит! Об ударности такой работы мы думаем только тогда, когда кто-нибудь из старой гвардии умирает. Тогда в крематории или в Доме союзов старые друзья, встретившись у гроба товарища, качают головой и говорят, что все-таки так нельзя, что надо уменьшить нагрузку. И, выслушав последние звуки «Интернационала», быстро садятся в машину, спеша на заседание.

Весь этот кадр не числится в ударниках, ибо ему и так полагается быть ударным. Только недавно кто-то догадался выпустить плакат с фотографиями членов Центрального комитета под заглавием: «Ударная бригада пролетариата».

Люди 1917 года

Дальше идет поколение, вступившее в великий бой в 1917 г., получившее крещение в Октябре и прошедшее через проверку гражданской войны. Это поколение дало большое количество ударников. Они не только директора заводов, среди них много рядовых рабочих. Дрался такой рабочий на гражданской войне, вернулся и пошел опять работать на завод. Парень не голосятый, не агитатор, любит работать у станка. Поэтому его как-то и затерли в период нэпа. Но за эти годы восстановления старого хозяйства он накопил много практических знаний. Кое-кто оброс немного корой, отодвинулся от первых рядов общественной жизни. Но когда загорелся великий бой за пятилетку, когда молоты начали вбивать в землю свай социализма, строить его фундамент, рабочие этой категории снова загорелись и снова двинулись в бой, и теперь снова замелькали по газетам забытые имена славных бойцов гражданской войны. Сдружившиеся когда-то на фронтах и потерявшие связь в дальнейшем, снова ее налаживают теперь, через эту перекличку ударников.

За этим вторым слоем идет третий, исключительно интересный. Пока что из него вышло больше всего ударников, о которых пишут в газетах, фотографии которых мы видим. Обыкновенно эти ударники — старейшие *беспартийные рабочие* или вступившие в партию в 1927—1928 годах. Имеют они производственный стаж от 25 до 40 лет. Есть и постарше. Они перед революцией 1917 г. не принимали непосредственного участия в революционной борьбе, а позже, после гражданской войны, они стояли за советскую власть, но не шли на общественную работу. Теперь они на первых постах, теперь они — учителя целых заводов. Кто побывал в последние годы на наших заводах, помнит, как после доклада наши комсомольцы обыкновенно вытаскивают какого-то старика в очках, какого-то сутулого почтенного человека и рекомендуют его: «Вот наш Василий Иванович, старый хрен, лучший работник, столько-то и столько-то сделал предложений. Организовывал такие-то и такие-то бригады. Но мы его догоним, мы ему покажем». Старик обыкновенно произносит невнятные звуки и пытается исчезнуть. Его непременно выбирают в президиум, и он сидит за столом, внимательно слушая, вытянув вперед руки на столе. *Почему эти рабочие, играющие теперь такую громадную роль, не шли в первой шеренге в начале революции?* Это были рабочие, в которых даже капитализм не сумел вытравить природной любви человека к труду, которым ему приходится заниматься. Они были лучшие слесаря на заводе, лучшие текстильщики, они выдумывали всякие улучшения у себя на дому, в хозяйстве, всякие приспособления. Из них выходили мастера, и тогда они отбивались от рабочего класса. Они были почвой, на которой вырастали технические изобретения. Капитализм использовывал эти изобретения, но не воздавал ни славы, ни почестей изобретателям. Я знавал таких рабочих и в Германии. Они читали технические журналы, но не читали рабочих газет. О них и другие рабочие говорили: *Er bastelt*», т. е. он постоянно что-то делает, занимается пустяками. И вот для этих рабочих пришло теперь, под конец их жизни, великое время. Они теперь пони-

мают, что их знания, их опыт имеют громаднейшее значение для страны, и они горят на работе уже не для себя, не для премии, а для того, чтобы наладить великое дело. Только теперь они поверили в возможность социализма, в его великое значение, только теперь они увидели великий смысл работ тех, кого на заводе они часто считали горлопанами. И они пытаются не только добыть из своих старых мускулов прежнюю энергию, не только найти в мозгу техническое ухищрение, позволяющее преодолеть какой-нибудь прорыв, но они пытаются понять все то великое, что происходит вокруг. Они включаются в политическую армию пролетариата. Что касается умения работать, они — стержень ударнического движения, они — наша гордость.

Рабочий и крестьянский молодежь

Но, понятно, наше будущее — не они. *Наше будущее*, это — *молодежь рабочих и крестьян*, которому революция широко распахнула двери, ведущие к знанию, и который теперь учится, чтобы строить и, строя, учиться.

Если всякая техническая книга становится немедленно дефицитным товаром, если в стране — 80 тыс. подписчиков на журнал «За рулем», если имеются сотни тысяч абонентов радиогазет, то все это расходуется именно на ту массу молодежи, которая пытается овладеть техникой, которая создает комсомольские бригады и действительно сделала из труда дело чести и доблести. Из этой молодежи выйдет великий кадр строителей, который достроит социализм. Отсюда хлынет великая река великих изобретений, эта молодежь завершит ту техническую революцию, которая началась в недрах капиталистического общества, но которую завершить будем в состоянии только мы. Этой молодежи победа дается не легко. Ей недостает общей культуры, умственной тренировки, облегчающей техническую учебу. Ей трудно справляться с математикой, но она справляется. Нет более насыщенных аудиторий, чем аудитории наших технических вузов, вечерних школ, где нельзя иначе говорить, как языком семнадцатого года, языком атаки, языком великих держав. Это не вихрастые интеллигентские комсомольцы 1918—1919 гг., говорящие о революции и потрясающие

шевелюрой. Это — люди, не умеющие хорошо говорить, но цепкие, энергичные, конкретные люди, которые не могут допустить, чтобы мы не могли справиться с какой-нибудь задачей.

Мне пришлось видеть их старшее поколение, т. е. самых молодых наших инженеров на ответственнейшем заводе, где сняли 40 вредителей-инженеров. Завод остался с этим молодняком. Эта молодежь полностью давала себе отчет в отсутствии опыта, в недостаточности знаний, в громадной ответственности, которая легла на нее. Она не только работала с величайшим усердием над преодолением затруднений, но по ночам она по очереди выходила на комсомольские дежурства только затем, чтобы еще пристальнее присмотреться хозяйским глазом, только затем, чтобы в случае какой-либо аварии не делать себе упрека: «Проглядели!» Этот молодняк теперь у нас задеет тон на заводах.

Этот же молодняк возникает теперь в деревне. Он в деревню идет из Красной армии. В городе он видел чудеса новой техники, в Красной армии учился дисциплине и грамоте. Ему в деревне идет навстречу молодняк, только-что кончивший школу. Этот молодняк сует вокруг тракторов, пытается изучить все тайны машины. Это он не только заменяет городских трактористов, но проводит индустриализацию деревни, дает ей настоящих новых организаторов.

Эта молодежь, вступившая в жизнь 5-6 лет назад, донесет знамя до окончательной победы.

Посмотрим на фотографии ударников, на эти лица. Открытый лоб, глаза смотрят то с глубокой верой, решительностью, то с насмешкой. Это действительные завоеватели мира.

Наимены

Среди этой молодежи особую струю представляют собою ударники из наименьшинств.

Я не буду говорить о евреях-ударниках. Это те же самые юноши, которых я видел еще несколько лет назад в белорусских городках, покупающих за последние копейки центральные газеты и с тоской мечтающих о растущей где-то советской промышленности, ибо они

были без работы. Кооперация убила торговлю, около которой ютились их родители. Ремесло страдало от недостатка сырья. Промышленность не могла их впитать, и они мечтали о почетном звании металлста, как раньше дворянский юноша мечтал о том, что он станет рыцарем. Скорый темп индустриализации поставил их на ноги. Они сложили свои бедные пожитки и пошли на заводы, на шахты. Нет такого тяжелого труда, за который бы они не брались с рвением. Им пришлось страдать от антисемитизма новых, пришедших из деревни рабочих, им пришлось доказывать свое право на звание пролетария. И они его доказали. Но если им приходилось бороться со своей физической слабостью, то они внесли в промышленность интеллигентность городского человека, культурные навыки старого ремесленного труда.

Значительно труднее было рабочим из отсталых, мало развитых наций — рабочим татарам, тюркам, чувашам. Но и эти рабочие выдвинули тысячи героических ударников, дерущихся с величайшей выдержкой, а бы сказал, ожесточением, за победу социализма. Чем больше культурное отставание их нации, тем больше напряжения вкладывали они в работу для того, чтобы показать, что они могут быть первыми. Национальное соревнование, которое когда-то приводило к национальной вражде, к погромам, побоям, стало источником великого трудового подъема, в огне которого рождаются целые отряды пролетариев среди национальностей, которые никогда не знали пролетариата.

Ту роль, которую играет национальный вопрос, как источник добавочной струи революционного производственного подъема, играет и женский вопрос.

Работницы

Революция дала работницам равенство, но она могла дать только юридическое равенство. На деле работница еще не равна, на ней лежит груз домашних забот, на ней лежит еще та тяжесть, что старший слой рабочих не считает женщину равной. Это подзадоривает молодую работницу, толкает ее в ряды ударников.

На днях мне пришлось быть свидетелем следующей сцены: директор завода позвонил, чтобы за мной пришел

кто-нибудь из мастеров, который показал бы мне производство. Пришла молодая девушка 26—28 лет. Посмотрела на меня и на моих спутников сверху вниз и с презрением спросила: «Это вы будете экскурсия?» Директор завода ее не знал, она была недавно на заводе.

— А ты сумеешь объяснить процесс производства? — спросил он.

Огонек заблестел в ее глазах.

— Отчего же. Я мастер.

Мы пошли в цех, и я ее спросил, кто она такая. Оказалось, работница Зиновьевской бумажной фабрики в Ленинграде. За ударную работу ее выдвинули в техникум. Она его кончила и работает теперь мастером в химическом цехе бумажной фабрики в Балахне.

Это молодое поколение работниц-ударниц завоеует равенство работнице, равенство, которое она заслужила всей своей жизнью, ибо и работницы, которых теперь много в рядах ударниц, могут сказать: «Вся наша жизнь была героизмом». Посмотрите на фотографию работницы завода им. Лепсе — С. Я. Гришкевич. Это наиболее волнующая из всех фотографий фабричных ударников, которых мне пришлось видеть. Лицо ее, как рука старой прачки, вываренная сотни раз в соде и мыле, рука, на которой видна каждая жилка и вена в отдельности. Это лицо, которое видело тысячи бессонных ночей, когда работница после тяжелого труда должна была штопать детскую одежду; глаза, опущенные на работу, наверное много раз смотрели с тяжелым раздумьем о том, что завтра дать есть семье. Героизм работниц было всегда ожесточенным, ибо они помогали рабочему классу вынести бремя нужды и нищеты. Но работница была заперта в душной кухне, ее жизнь протекала среди детского крика и гама. Она стояла у дверей кабака в ожидании мужа, заливавшего отчаянье горькой. Теперь она нашла цель, осознала значение службы обществу, и поэтому у многих этих ударниц лица стали такими ясными.

Ударники — старые специалисты

Дальше идут ударники и из самой скупой среды: из среды старых специалистов. Мы перед всем рабочим классом ставили к позорному столбу вредителей. Мы

обязаны сообщить рабочему классу о всяком проявлении трудового героизма, энергии, настойчивости тех инженерских кадров, которые шли с нами нога в ногу или теперь к нам повернули. Им очень нелегко, хотя рабочий класс чутьем отличает преданных себе людей и окружает их уважением и любовью. Ведь известен факт самоубийства крупного преданного нам инженера, которому оказывали полное доверие, но который не вынес мысли, что ему могут не доверять. Нечего скрывать таких фактов. Этот инженер пал, как жертва революции, жертва, которая должна обратить внимание и заставить окружить любовью тех представителей старой технической интеллигенции, которые пошли беззаветно на службу рабочему классу. Они помогают нам сэкономить сотни миллионов. Они помогают нам из молодых специалистов-ударников, — а таких есть тысячи, — создать будущие руководящие кадры промышленности.

Иностранные техники

Наконец, нельзя не вспомнить иностранцев-техников, которые начинают включаться в эту нашу бешеную работу. Не только вспомнить их надо, но надо на них обратить величайшее внимание.

К нам приходят на работу из-за границы инженеры, ищущие порядочного жалованья, приходят инженеры-творцы, которые ищут возможности технического размаха, и приходят, наконец, инженеры, которые ищут отечества, которые разуверились в старых идеалах буржуазного мира и спрашивают себя, не возникает ли у нас лучший мир. Из среды инженеров-патриотов техники и инженеров, ищущих новой идеологии, рекрутируются иностранцы инженеры-ударники. Если мы поймем, что и в этой массе можно найти строителей социализма, если мы поможем этой массе ориентироваться в обстановке великих вопросов, которые решает мир, то здесь будет бить родник технической инициативы и энергии.

Иностранные рабочие

Я не говорю об иностранных рабочих. Не все они ударники. Многие тоже приходят только из-за куска

хлеба. Это наиболее требовательная часть иностранных рабочих. Ее надо будет или переделать, или отбросить. Но есть уже сотни, которые со всей энергией делают с нами наше дело. О них я собираюсь писать особо.

Герой и масса или масса героев

Капитализм построен на частной собственности. Поэтому он построен на индивидуализме, поэтому он родил культ крупной личности, поэтому он создал философию истории, вещающую, что историю делает крупная личность.

Народничество, которое было буржуазно-демократическим течением, было в конечном счете буржуазным течением. И поэтому оно должно было упереться в субъективность, нашедшую свое последнее выражение в терроре, в культе героя, мстящего за народ.

Марксизм в течение всей своей истории дрался против этой идеологии, противопоставляя ей взгляд на общее развитие, как на результат борьбы классовых сил, порожденных развитием производства. Народники делали из этого вывод, что мы отрицаем значение личности.

И мой друг, — писатель-попугай, который немного пренебрежительно говорил о массовом стандартном производстве героев, наверное подумал: «Вот понадобились-то вам наконец герои, так что массами начали вы их фабриковать». Но кто так думает, показывает, что ничего не понял в марксизме. Ни для Маркса, ни для Ленина масса не состояла из суммы равных людей. И для них история не была борьбой нерасчлененной безыменной массы. В массе есть отсталые слои, есть передовики. В массе играет громадную роль середняк, идущий за передовиком. Если бы не так обстояло дело, то зачем бы мы создавали партию, организацию передовых рабочих, которые продолжили путь рабочему классу и крестьянству к победе?

И пока будет существовать человечество, оно будет выделять передовой отряд, бьющийся на первых постах за решение тех вопросов, которые поставила перед человечеством история. Были и есть герои, но героизм их — выражение стремлений массы, героизм их может

привести к победе только тогда, когда становится массовым, когда поднимает массу до своего уровня.

28 лет назад Роза Люксембург писала: «Историческая задача вождя — сделать себя ненужными». Но они могут сделаться ненужными только для одной какой-либо исторической задачи. Когда история выдвинет новые задачи, нужны отряды новых передовиков. И мера глубины революции — какие широкие массы передовиков она умеет выдвигать. Великое доказательство социалистического характера нашей революции — это тот факт, что она создаст целые пласты героев, что она создает целые массы героев, что она рождает массовый энтузиазм.

И все эти презренные Каутские, Гильфердинги, которые считают, что ударное движение создано насильем, они этим своим суждением говорят только, что не могут представить себе социалистической революции. Наша революция социалистическая, потому что она породила ударников. Наше стремление породило ударников как массовое явление, — теперь наше стремление поднять все рабочие массы до уровня ударников, сделать вопрос труда доблестью и честью всякого рабочего.

Завершением этого процесса будет создание социалистического общества. Для того, чтобы ускорить эту окончательную победу социализма, мы должны окружить ударничество любовью, славой, мы должны ознакомить страну с жизнью ударников, мы должны добиться того, чтобы в глазах каждого рабочего и крестьянина название ударника было самым почетным. Мы только приступаем к решению этой задачи. Только началось издание брошюрок с автобиографиями ударников, их еще не читали широчайшие массы, хотя для будущего историка социализма не будет более интересного материала, чем эти биографии действительных строителей социализма.

Наши газеты подходят к этому делу еще небрежно, не умеют еще показать ударников во всем их разнообразии, во всей их индивидуальной красоте. Наша литература не создала еще забываемые фигуры ударников.

Но это все надо сделать, и гизовские альбомы заслуживают самого большого внимания, самого внимательного подхода и анализа.

Июль 1931 г.

ДЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

«День школы» имеет задачей повернуть все общественное мнение Союза к школе, как к мощному рычагу социалистического строительства. Это требует не только того, чтобы широчайшие круги рабочих и колхозников поняли значение всеобщего обучения, значение политехнизма, но чтобы они поняли *все своеобразие* советской школы, советских методов воспитания. Без учета *социалистического характера* воспитания, т. е. того нового, что создала революция в области школы, советская общественность не может принести посильную помощь школе. Наша педагогическая литература гораздо богаче, чем представляют себе коммунисты не педагоги. Она находится еще в большом процессе брожения, она вырабатывает детально свои методы, но всякий, кто с ней знакомится, чувствует, что марксисты-педагоги готовят мощную идейную базу для тех громадных побед, которые мы начинаем одерживать на фронте школы. Когда в ближайшие годы мы сумеем после проведения пятилетки бросить на школьное строительство миллионы тонн чугуна, соответствующее количество кирпича, леса, мы сумеем подвести более крепкий производственный базис под воспитание, чем мы это делаем теперь. Для этой базы надо подготовить массовую надстройку общественного сознания. Но широкие круги рабочих и колхозников, к сожалению, не имеют доступа к серьезной педагогической книге, а наша популярная педагогическая литература очень бедна, хорошего, массового педагогического журнала нет. Мы, родители-коммунисты, к сожалению не понимаем всего грандиозного

значения тех процессов, которые происходят в детском мире.

Обыкновенно надо испытать личные затруднения с воспитанием собственного ребенка, чтобы начать более внимательно присматриваться к тому, что делается в советской школе, что делается в мире детей. Пишущий эти слова не лучше других родителей-коммунистов, но так как мне пришлось, благодаря вышеуказанным причинам, хоть немного присмотреться к тому, что происходит между школой, домом, заводом и детским миром, немного поговорить со сведущими товарищами, почитать новую педагогическую литературу, то пусть мне будет позволено поделиться с советской общественностью тем, что я понял в процессах, происходящих на этом большом поле сражения коммунизма с остатками капитализма.

Раньше все было очень просто или казалось простым. Родители командовали, а дети должны были слушаться. Чем послушнее был ребенок, тем он считался лучше. Ребенок повиновался в убеждении, что *он — ничто, а взрослые — все*. Его учили повиноваться учителям, которые представлялись в качестве высшего авторитета. Даже в тех случаях, когда ребенок принадлежал к угнетаемым классам или национальностям, родители его, относясь к учителю с недоверием, учили ребенка видеть в учителе пусть враждебную, но мощную силу, которой надо повиноваться. Авторитет учителей и родителей — вот что было основой воспитания, как его себе представляли взрослые.

Рычаг же воспитания был частный интерес — «будущее» ребенка. Правда, говорили об отечестве и всяких общих принципах, но *на деле ребенок чувствовал, что он учится для того, чтобы суметь заработать свой кусок хлеба или, если речь шла о детях имущих, приготовить к высоким постам*.

Если из методов воспитания, которые применяет Дуров к своим зверюшкам, отбросить большую человеческую доброту Дурова, отказавшегося от применения грубого насилия по отношению к воспитываемым животным, если вспомнить, как Дуров за всякое удачное исполне-

ние приказа немедленно дает моржам рыбку, то мы имеем символ старого воспитания.

Ну, и вот первое, что надо понять, это — что *рухнул авторитет родителей и учителей*. Это не значит, что данный ребенок не любит своего отца или мать, если они к нему внимательны, или что он не может привязаться к хорошему учителю. Понятно, что подобное утверждение было бы смешным. Но ребенок слушается отца или мать, данного учителя, *если они хороши и внимательны*. Мне приходилось разговаривать об этом вопросе со значительным количеством детей. Они защищали общий тезис, что дети вообще не должны слушаться родителей.

Отец Нины учит ее ругать других детей «жиденятами». Разве Нина должна слушаться своего отца? — спрашивают дети. Но ведь не все родители отстали, есть родители-коммунисты, разве их не надо слушаться? — спрашивал я. Но отец Маруси — коммунист, а бьет ее маму и пьет. Девчонки рассказывают, что Марусе приходилось на него жаловаться не только в милицию, но и в районную контрольную комиссию (они знают все ходы и выходы, все учреждения, которые могут защитить их интересы!). Но ведь таких коммунистов, которые бьют жен, немного, они — исключение, — ответил я. Да, но у многих коммунистических детей отец уходит утром на работу, приходит поздно вечером, мать тоже очень занята, мало занимается ребятами. Родители не знают, чем ребенок дышит, что его волнует, часто отвечают нетерпеливо, и ребята не видят в них высшего авторитета. При более внимательном отношении ребенка родителей-коммунистов, пытающихся по отношению к нему быть действительно коммунистами, относится к ним с доверием, но и это доверие к ним не делает его беззаботным. Он не чувствует в родителях последнего верного прибежища. Дети знают, что теперь очень много случаев развода родителей, и *семья в их глазах перестала быть твердой базой их будущего*.

А учителя? Самые маленькие ребята знают, что высший авторитет в стране — коммунистическая партия. Мерило общественной стоимости человека для них в том,

партии он или нет, как он исполняет свои партийные обязанности. Они знают, что господствующий класс, это — рабочий класс, и не могут не знать всего этого, ибо дело идет не об абстрактных суждениях и оценках, а об общей структуре общества, которая выражается ежедневно в десятках фактов, действующих на ребенка.

Громадное большинство учителей — беспартийные, а про более старых учителей дети знают, что они учили и при царе. Многие учителя и сегодня, даже при лучшем желании, не могут скрыть от детей, что они не целиком включились в строительство социализма. «Они все говорят: революция, революция, а почему они не партийные?» — говорили мне дети. Я отвечал им, что мы не можем отказаться от старых учителей, что мы их перевоспитываем. Говорил им, что партия — организация передовых рабочих, не всех принимает, и не всякий учитель, который бы и хотел стать членом партии, может в нее попасть. «Значит партия его не считает передовым, так почему же его слова должны быть законом?» — говорят дети. На это нечего ответить ребенку. *Нельзя от ребят требовать безоговорочного послушания учителям, как нельзя требовать от рабочего безоговорочного доверия к инженерам*. То, что рабочий — взрослый, а ребенок — ребенок, ничуть не меняет положения. Ребенок тоже смотрит открытыми глазами и тоже своей маленькой головой продумывает то, что видит.

Требования, которые выдвигают некоторые учителя, чтобы дом, семья оказывали им полную поддержку, солидаризуясь с их решениями, невыполнимы. Есть прекрасные беспартийные учителя, заслуживающие полной поддержки. Но и есть учителя, которые принимают решения и часто совершают действия, которые нам, коммунистам, нельзя покрывать. Но даже если бы мы и попытались это сделать, дети все равно не слушались бы безоговорочно.

Так где же авторитет, без которого воспитание невозможно, и где же главный рычаг этого воспитания?

Мне пришлось за последние 3-4 месяца побывать в ряде наших школ, слышать оценку их из уст детей, присматриваться к положению в разных группах, и все это

убедило меня в одном — только там, где существуют хорошие пионеротряды, где существуют крепкие детские ученические организации, только там палицо основной рычаг, основная база, которая позволяет воздействовать на детей.

Мы всегда понимали значение пионеротряда как орудия политического влияния на детей, но всей серьезности значения пионеротрядов и пионерской работы даже мы, коммунисты, не понимаем, как это доказывает очень слабое обслуживание пионерского движения комсомолом, партией и всеми нами — коммунистами. Но я сразу добавляю — центр вопроса не в агитации пионеротрядов, хотя хорошее объяснение детям того, что происходит на их глазах, имеет колоссальное значение. Жизнь наша полна еще противоречий, и самому ребенку трудно справиться со многими вопросами. Есть даже родители-коммунисты, которые жалуются на перегрузку детских мозгов политикой. Но попробуйте изолировать ребят от таких событий, как процесс вредителей. Среди детей, которых я знаю, помилование вредителей вызвало целую бурю негодования. Как же это: предали страну, хотели обречь на голод рабочих и крестьян и не были расстреляны? Ребенок — не диалектик. Только жизнь учит диалектике. Он хочет простых указаний, ибо он хочет точно знать, что правильно, а что неправильно, а для суждения о решениях ВЦИК у него было только убеждение, что вредительство есть величайшее общественное преступление и что против вредительства общество должно защищаться. Ему трудно понять аргумент о колебании мелкобуржуазных слоев, из которых рекрутируется большинство спецов, аргумент о необходимости использования технического знания, оставленного прошлым, и десятки других практических аргументов, заставивших ВЦИК помиловать многих вредителей. Помощь пионеротряда, правильная его пропаганда здесь имеют неопределимое значение.

Ребенок сталкивается с еще более основными вопросами, на которые не может ответить, которые требуют помощи товарищей, способных показать ему всю сложность вопросов революции. Все ребята видят существующее еще при советской власти неравенство. И чем го-

рячее ребенок принимает основные идеи коммунизма, тем острее он ощущает это неравенство. А объяснить ему, что материальное неравенство не может исчезнуть, пока не исчезнут классы, что мы, победив буржуазию, еще окончательно не ликвидировали классы, объяснить ему неравенство, вытекающее из разделения труда на умственный и физический и т. д. и т. д. — все это требует хорошо руководимого пионеротряда, который ближе к комсомолу, ближе к партии, чем учительство.

Но как бы ни было огромно значение этого воспитания, не менее, а может и более важным является факт, что пионерорганизация является *детским коллективом*, в котором дети ведут между собой споры, обсуждают вопросы, учатся подчиняться коллективу, вырабатывают дисциплину и действуют сообща. Дисциплинирующее значение пионерского отряда — один из решающих моментов нового воспитания. Детская общественность судит тех, кто ломает ее законы. Если эта детская общественность хорошо организована, если в ней есть *твердое ядро убежденных пионеров*, то общественный приговор имеет неслыханное значение для ребенка. Учителя, которые думают, что ребенок боится палки или школьного наказания, а не будет бояться приговора своих товарищей, — слепые люди. Ребенок физического наказания теперь вообще не боится, ибо он знает, что советская власть не допускает физического наказания, что оно является преступлением, наказуемым советской властью. Наказание со стороны учителей морально не авторитетно, ибо ребята вообще считают, что старшим легко выносить им, маленьким, приговоры, никакой справедливости они в этом не видят. Но если приговор выносят собственные товарищи и если товарищи авторитетны, то сила этого приговора громадна. Где дети не считаются с приговором своих товарищей, не зная отряда, можно быть уверенным, что он не имеет авторитетного ядра, что ребяткишки, так же мало дисциплинированные, как провинившийся, приговорили своего товарища, пользуясь тем, что попался он, а не они. Не видя морального веса того приговора, ребенок принимает его легко. Там же, где есть крепко сплоченное пионерское ядро, при-

говор его силен, там ребенка заставляют подчиняться, учат его понимать, что он не индивид, что он не «свободный» атом, делающий, что хочет, могущий идти на конфликт с обществом, а что он — член общества, обязанный ему подчиняться. Школа, в которой пионердвижение в загоне, это — школа, в которой разваливается дисциплина, понижается успеваемость, растет одичание детей, учащаются побои. Школа без пионерского отряда и ученических организаций, душой которых должны быть пионеры, есть школа без стержня. Кто этого не понял, кто ищет изжития школьных неурядиц путем перевода детей из одного коллектива в другой, путем наказания за «хулиганские» выходки, являющиеся в большинстве случаев результатом неиспользования энергии детей школой, за неуспеваемость, кто вообще переносит центр тяжести в деле улучшения школы на одного ребенка, а не на коллектив, тот не только не может добиться цели, к которой стремится, но на деле приносит вред, сбивая себя и других с единственного пути, ведущего к хорошей коммунистической школе.

Не только учителя, но и мы, коммунисты, недооцениваем в этом смысле значения пионерработы и самоуправления детей при помощи ученических организаций. Мне приходилось видеть не только чудовищное непонимание этого вопроса со стороны руководителей школ, на словах признающих значение пионеротрядов, но на деле борющихся с болезнями доверенной им школы путем морального ostrакизма, направленного против определенных детей, но мне приходилось слышать доклады по обследованию школ целым отрядом коммунистов, которые все обследовали, только не ученические организации и не работу пионеротрядов.

Тут нужен крутой перелом, тут нужна большая работа партии, в первую очередь над нами, коммунистами, а затем над остальным населением, ибо тут дело идет о стержне всей нашей воспитательной системы.

А теперь вопрос: что такое хороший пионерский отряд? Девочка-пионерка, ребенок интеллигентный, очень развитая, бегаёт без пионерского галстука. — Почему ты без пионерского галстука? Ведь ты пионерка? — Какие

мы пионеры? — Как это, какие? — А что мы делаем? — отвечает мне ребенок. Я был глубоко поражен. Отвечаю, — делаете то, что делают все пионеры. — В прошлом году, — отвечает мне ребенок, — мы собрали мешки для уборки хлеба, а в этом году всего написали письмо к немецким пионерам, ждем ответа и вырезаем из «Пионерской правды» статьи.

Я был ошеломлен: ребенок дал важнейший критерий работы пионеротряда. Ребенок не только хочет, чтобы ему объяснили события, не только хочет совместных игр, маршей, выступлений, он хочет делать общественно-полезное дело. И тут мы подходим к сердцевине всего вопроса о коммунистическом воспитании детей, и тут мы подходим к величайшей революции, проделанной коммунистической мыслью не только в теории педагогики. Тут мы подходим к величайшему коренному росту социалистической общественности снизу.

Вся наша общественная атмосфера насыщена идеологией труда. Пятилетка! Что она представляет собой? Великую программу труда, к выполнению которой зовут партия и правительство через все громкоговорители, прессу, радио, кино, театры, путем уличной агитации... Для выполнения этой программы партия и правительство пускают в ход тысячи рычагов. Все, что есть дельного, мужественного в советских народных массах, — все это имеет величайшую веру в труд, веру, ставшую тем, что отличает передового человека от отсталого. Ребенок ежедневно, ежечасно слышит о том, что мы с большим трудом создаем новое общество, слышит о том, что тот, кто трудится, тот, кто помогает провести пятилетку, — человек, а кто не помогает в этом великом деле, тот — враг и паразит. И разве удивительно, что ребенок начинает применять к себе эти критерии, что он откликается на великий зов страны? Наше будущее зависит от того, насколько сильно откликнется на пятилетку сердца десятков миллионов детей, ибо дело идет не о одновременном усилии, которое кончится через несколько лет, когда мы проведем до конца первую и вторую пятилетки. Дело коммунизма, это — дело создания радостно трудящегося общества. Можем ли мы сказать ребенку: «Ты — маленький, ты ничего не можешь делать. Ты учись, соревнуйся в грамоте, чтобы в

будущем ты мог хорошо трудиться?» Нет, не можем мы этого ему сказать, ибо это означало бы оттолкнуть маленькую ручку и горячее детское сердце, тянущееся к великой стройке новой жизни. Это было бы глубокой неправдой, потому что он, маленький, может помочь делу пятилетки. Есть тысячи общественно-полезных дел, которые может сделать детский коллектив, немного окрепший, и организовать это дело — означает тысячекратно усилить рычаг воспитания, соревнования в учебе, соревнования в дисциплине.

Партия в программе своей, как стальным резцом, врезала в нашу мысль великое учение Оуэна и Маркса о значении труда в воспитании, о необходимости политехнического воспитания детей, подготовки их с детства к общественному труду, и именно этот вопрос ребенка: «что мы делаем?», показывает, что партия гениально ушла рычаги воспитания детей при коммунизме.

Первый политехнический съезд, споры в рядах коммунистов-педагогов о политехнизации показывают нам все трудности проведения в жизнь великих требований нашей партии, программы великих заветов Ленина, который так глубоко понимал вопросы воспитания, хотя и не был педагогом-специалистом, потому что был великим коммунистом, глубоко верящим в победу коммунизма, и поэтому стремился глубоко продумать все рычаги коммунизма.

Политехнизация встречает затруднения, которые она будет преодолевать по мере роста нашей промышленности, роста совхозной и колхозной базы, по мере базирования воспитания на действительном труде. Но было бы преступлением считать, что до момента, когда мы сумеем создать действительные школы-фабрики и школы-совхозы, надо удовлетворяться тем, что есть. Опыт того, что я видел, говорит мне, что, улучшая производственную базу и методы политехнизации, надо учесть уже теперь самым тщательным образом следующее: *ребенок не должен просто учиться труду во имя того, что он будет в будущем что-то делать. Он должен уже теперь делать полезные вещи, ибо нет более сильного стимула для его политехнической учебы, чем общественно-полезный труд, хотя бы в маленьком масштабе. Пусть школы, пусть пи-*

онеротряды займутся этой организацией общественно-полезного труда; пусть ребенок видит, что и он создаст новую жизнь, пусть он чувствует себя не просто на содержании общества, пусть он чувствует, что и он что-то создает, помогая этим обществу.

Тем новым в мире наших детей, что можно просто нащупать рукой, является рост общественного сознания, понимания, что человек живет не для себя, а для общества, которое его создало. В этом все отличие мира наших детей от детского мира капитализма. Общественный труд — рычаг воспитания детей. Детское общество, как молодое человеческое общество, — вот авторитет, помогающий преодолеть антиобщественные явления среди детей. Я не утверждаю, что весь детский мир СССР представляет собой уже сложившееся новое социалистическое общество, остатки капитализма живы в нашей экономике, живы еще в сознании взрослых, и они не могут не существовать в быту, в психологии детей. Но новое — это не просто ростки. Точно так же, как в советской экономике социалистический сектор начинает побеждать, точно так же, как мы основываем фундамент социализма, растет снизу социалистическое детское общество.

Только поняв это, мы сумеем взяться с величайшим энтузиазмом, с величайшей верой за школьное дело, за стройку социалистической школы. Эта школа даст нам новое социалистическое поколение, которое сумеет завершить дело Октября.

Июль 1932 г.

ВЫШЕ ЗНАМЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ!

10 мая площадь между Берлинской оперой и Берлинским университетом представляла странное зрелище. Отряды студентов в форме штурмовиков с факелами в руках окружали громадный костер, сооруженный пожарными по всем правилам науки о поджигании груд книг. Грузовики подвозили все новые кипы литературных произведений. Гремели оркестры, и, когда пламя охватило костер, к небесам поднялся гимн об освобождении Германии.

И смотрел на все это Берлинский университет, в котором 120 лет назад Фихте произносил свои речи «к немецкому народу», призывавшие бороться с Наполеоном, но опирающиеся на наследство французской революции. Ибо Фихте никогда не забывал, что он когда-то писал: «С этого времени (французской революции) только французская республика может быть отечеством честного человека». И смотрели на это сожжение духа человеческого со своих памятников Александр и Вильгельм Гумбольды, Александр Гумбольд, основатель Берлинского университета, впитал в себя дух эпохи просвещения, он выдвигал, как задачу просвещения, «изучение прогресса духа времени, прогресса просвещения, философии и науки». Он был либеральным дворянином, пытавшимся поднять юнкерскую Пруссию на уровень, которого достиг буржуазный мир Запада. Вильгельм Гумбольд — великий естествоиспытатель — стоял на высоте знаний своего времени. Теперь перед их глазами германское студенчество с поощрения властей предрежащих устраивает на глазах всего мира погром той литературы, которую оно считает враждебной «немецкому духу».

Что они сжигают сочинения Маркса, Ленина и Сталина, удивляться не приходится. Что они могут противопоставить великому учению, освещающему путь человечества, кроме собачьего лая и средневекового изуверства. Учение современного коммунизма — это для людей, которые пытаются повернуть вспять реку истории, *мemento мори!* Фашистская газета «Теглихе рундшау» предостерегала от запрета чтения сочинений Маркса, указывая на то, что нельзя современному человеку ориентироваться в ходе экономического развития, не зная Маркса, даже если считать учение Маркса неверным. За это ее постигла заслуженная участь. Газета была закрыта и только после того, как обещала не говорить больше подобных неприятных истин, она может снова выходить. Фашистские молодцы не довольствуются уничтожением литературы, которая предсказывает им неминуемую гибель. Они сжигают те слабые *ростки буржуазно-демократической культуры*, которые начались в немецкой литературе в бабье лето веймарского периода. Цвейг, Манн, Деблин — писатели, которые пытались в своих произведениях защищать демократию, погибают в огне наравне с Ремарком, Глезером и другими писателями, которые пытались отобразить все ужасы мировой войны. Ни Ремарк, ни Глезер не указывали на революционный выход из тупика, который создал империализм. Но достаточно было того факта, что они напоминали будущему пушечному мясу участь, которая его ожидает, чтобы возбудить глубочайшую ненависть в тех кругах, которые выход из положения видят в новой империалистической войне. Сжигались ли совместно с коммунистическими, демократическими и пацифистскими книгами также работы естественников, изгнанных из университетов или бросивших кафедры в знак протеста против торжествующего средневековья, — мы не знаем. Бюллетени с германского пожарного фронта фашизма упоминают о сожжении книг Фрейда, но умалчивают об именах великого физика Франка и химика Габера, который вооружал Германию в войне своим искусственным азотом и газами и который теперь принужден был, понурив голову, уйти с чувством стыда за господствующий класс, которому служил.

Маркс писал когда-то, что «*тот же самый дух строит*

философские системы в мозгу философа, который строит железные дороги руками рабочих». Слова эти написаны Марксом в молодости, когда он еще не преодолел до конца влияния идеалистической философии. Но они, несмотря на свою идеалистическую скорлупу, содержат глубокую истину. Не может быть государства с крупной промышленностью, государства, двигающего вперед технику, в котором была бы испепелена творческая научная мысль в какой бы то ни было области. Германская буржуазия, громя огнем и мечом мысль в области обществоведения, естествознания, так несовместимую с «немецким духом», говорит этим, что этот «дух» стал несовместим с каким бы то ни было прогрессом хотя бы в области техники. И на деле приход к власти германских фашистов есть доказательство, что буржуазия этой передовой страны отчаялась в возможности дальнейшего развития на рельсах, по которым она двигалась вперед, что она пытается спастись при помощи алхимии, которая всегда шла рука об руку с *костром и инквизицией*.

Костер из книг перед Берлинским университетом является не просто шутовским эксцессом пьяных корпорантов, которые никогда не любили книг и предпочитали находить истину в кувшине пива. *Костер перед Берлинским университетом, это — огонь, который говорит всему миру о рубеже, достигнутом человечеством*. Мы, коммунисты, всегда говорили, что в судорогах капитализма погибает то, что осталось великого и ценного в буржуазной культуре. Буржуазная интеллигенция Запада не хотела этому верить, она указывала на развитие техники и естествознания в капиталистических странах. Агенты буржуазии пытались удержать влияние своих хозяев на эту интеллигенцию, говоря о том, что диктатура пролетариата не дает простора для развития научной мысли, ибо она видит во всяком ученом представителе буржуазии. Теперь слепые могут проверить, кто был прав. В Советском союзе старые ученые, в прошлом крепко связанные с буржуазией и в своем большинстве вероятно и теперь не перешедшие еще на точку зрения коммунизма, могут работать, пользуясь вниманием, поддержкой советского правительства и всей страны. За работами наших химиков, физиков, биологов, геологов следит вся страна и гордится

ими. И коммунистическая партия, руководитель Советской страны, призывает своих членов учиться у этих старых буржуазных ученых, награждает их подвиги, как подвиги, совершенные в интересах страны, что связала свои судьбы с прогрессом науки. Мы, коммунисты, не принимаем слепо завоеваний буржуазной культуры. Коммунизм есть культура, строящаяся раскрепощенным трудом на основах диалектического материализма. Коммунизм ведет борьбу с наследством идеалистической философии. Но в то время, когда германские черносотенцы сжигают сегодня сочинения Маркса, Ленина и Сталина, чтобы завтра сжечь сочинения Дарвина, мы издаем в переводах великого идеалиста Гегеля, чтобы изучить путь, которым человечество дошло до марксизма. Коммунизм не боится идеалистических учений, ибо он побеждает их идейно и действием. Коммунизм строит свое здание будущего на всех великих достижениях человеческого ума прошлого. Фашизм уничтожает зародыши будущего, имеющиеся в современной буржуазной науке, чтобы задушить плод революции в чреве германской буржуазии. Но если бы ему это удалось, от этого погибла бы беременная Германия, ибо невозможно развитие даже буржуазного мира в тисках средневекового обскурантизма, тисках звериного национализма. Этот обскурантизм несовместим с современной техникой и промышленностью. Этот звериный национализм должен привести к военным катастрофам. *От костров, зажженных перед Берлинским университетом, несется не гарь горелой бумаги, а трупный запах разложения германской буржуазии.*

Но как бы ни свирепствовал фашизм, он не достигнет своей цели. Чересчур далеко пошло уже экономическое и социальное развитие Германии, чтобы ее можно было даже огнем и мечом загнать в средневековье. Это развитие создало те общественные силы, которые победят новорасцветшее мракобесие. Бешенство, толкающее фашистов на невиданную демонстрацию сжигания книг, является доказательством их чувства слабости. *Они бесчинствуют потому, что только в бесчинствах видят шанс на спасение.* Но это их бесчинство скажет тем людям, которым дорого дело человеческой культуры, которым дороги завоевания человеческой мысли, где спасители этой мы-

сли, где сила, которая вынесет из пламени костров наследство Фихте и Гегеля, наследство Гельмгольца и Геккеля. Это — та же самая сила, которая отстоит наследство Маркса и Энгельса от современных варваров и которая докажет делом правду слов Маркса, что *«германское рабочее движение является наследником германской классической философии».*

Общественное мнение Советского союза не забудет ни на один момент перед лицом костров, на которых сжигаются произведения германской прогрессивной мысли, то, чем обязано в прошлом человечество духовной жизни Германии. Общественное мнение Советского союза ни на один момент не поверит тому, что совместно с кострами, пылавшими в ночь с 10 на 11 мая, погибла способность Германии служить развитию человеческой культуры. Советское общественное мнение не позволит отождествлять фашистских изуверов с Германией, сколько бы они ни выдавали себя за представителей «истинно германского духа». Оно знает, что те способности, которые сделали Германию передовой нацией, сделают ее в будущем передовой социалистической нацией.

Общественному мнению Советского союза костры, зажженные из книг перед Берлинским университетом, сигнализируют *не гибель культуры, а гибель буржуазной культуры.* Они говорят ему, что надо выше поднять знамя социалистической культуры, что людям науки надо силотиться с рабочим классом, строящим социализм, ибо он есть единственный строитель условий, в которых рстет новая великая человеческая культура.

Май 1933 г.